

Когда Лань Цинь и Ян Цзянь вышли из дома, они как раз столкнулись с Чэнь Хуцзином, который принес им ужин. Следом за ним шла его младшая сестра Чэнь Хуинь.

Ян Цзянь остро почувствовал, что оба брата и сестры смотрят на Лань Циня с нескрываемым обожанием. Столкнувшись с ситуацией, когда родные брат и сестра, по всей видимости, влюбились в одного и того же мужчину, Ян Цзянь лишь ощутил легкую головную боль.

Ему оставалось лишь надеяться на лучшее: по крайней мере, теперь они могли начать интервью именно с этих двоих.

Получив горячий ужин, Ян Цзянь вновь проявил свои незаурядные коммуникативные навыки. Пригласив брата и сестру войти, он уже через несколько минут вытянул из них полезную информацию.

Взгляд и внимание Чэнь Хуцзиня и Чэнь Хуинь были прикованы к Лань Циню. Чэнь Хуинь, будучи девушкой более сдержанной, лишь изредка поднимала глаза на гостя, в остальное время помогая расставлять посуду.

Чэнь Хуцзинь же вел себя куда более открыто и сразу же спросил Лань Циня, не нужна ли ему какая-либо помощь:

— Я знаю деревню как свои пять пальцев, поверьте, никто не ориентируется здесь лучше меня. Если вам или вашим друзьям что-то понадобится, не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне!

Смуглая кожа, делавшая его похожим на старосту, придавала Чэнь Хуцзиню вид человека простодушного и надежного, однако крепкое телосложение сразу давало понять: этот парень не из робкого десятка. Староста хвастался, что может голыми руками убить кабана, но, глядя на его сына, становилось ясно, что у того шансов в схватке с диким зверем было бы куда больше.

Ян Цзянь пытался привлечь внимание молодых людей своими красноречивыми рассуждениями, но все было тщетно: перед лицом Лань Циня его таланты оратора не работали. Видя, что на его длинные тирады никто не реагирует, Лань Цинь быстро перехватил инициативу, начав беседу сам.

— Я заметил, что жители деревни Шилин передвигаются совершенно бесшумно, прямо как... ну, вы понимаете, о ком я.

Говоря это, Чэнь Хуцзинь смущенно почесал затылок. Его застенчивый взгляд, брошенный на Лань Циня, и румянец, проступавший даже сквозь смуглую кожу, ясно свидетельствовали о том, что юноша впервые познал чувство влюбленности.

— На самом деле, в нашей деревне не происходит ничего необычного. Разве что раз в год мы проводим Жертвоприношение Духам и Божествам. Это традиция наших предков, которой уже

больше тысячи лет. Я не стал упоминать об этом раньше, потому что не видел в том смысла. Но если тебе, Лань Цинь, это интересно, я... я могу рассказать подробнее.

Лань Цинь понял, что Ян Цзянь имел в виду призраков, но из осторожности заменил это слово на более обтекаемое. Ян Цзянь и сам не был силен в вопросах жертвоприношений, но одно знал точно: для них нужны жертвы. В этот момент его воображение разыгралось, рисуя самые зловещие картины.

Ян Цзянь, которого староста только что напугал своим внезапным появлением — если бы не Чэнь Хуцзинь и Чэнь Хуинь, он бы даже не заметил, как тот подошел, — невольно насторожился.

Вежливая улыбка не сходила с лица Лань Циня. Он тактично заметил, что если рассказ доставляет неудобства, то можно не продолжать, хотя в его улыбке промелькнула тень разочарования.

Брат и сестра, не смея ослушаться отца, поспешно схватили корзины из-под еды и, суетясь, направились к выходу, напоследок с тоской добавив, чтобы гости обязательно обращались к ним, если возникнут вопросы.

— Лань Цинь, не верь остальным, они не заслуживают доверия так, как я.

До этого момента брат и сестра наперебой отвечали на все вопросы, но стоило завести речь о странных слухах или событиях в деревне, как оба синхронно замолчали.

— Вы двое, домой!

Чэнь Хуцзинь, еще не заметивший присутствия отца, хотел что-то сказать, но сестра толкнула его локтем, испуганным взглядом указывая на дверь.

Лань Цинь, видя серьезность на их лицах, лишь кивнул, показывая, что все понял. Ян Цзянь был обеспокоен, но, глядя на то, как охотно двое молодых людей отвечали на вопросы Лань Циня, про себя выругался на чем свет стоит: проклятые любители красивых лиц!

Сначала Лань Цинь расспросил об истории деревни Шилин и о ситуации с Циньшилином. Получив зацепку для интервью, он перешел к главной цели их визита — расспросам о странностях в деревне.

Староста, чей взгляд был полон мрачной угрозы, холодно посмотрел на них обоих и, бросив короткую фразу, развернулся и ушел.

Когда брат и сестра ушли, Лань Цинь и Ян Цзянь обменялись взглядами и молча принялись за проверку прогресса своей работы. Убедившись, что все в порядке, они начали обсуждать

упомянутое Чэнь Хуцзинем Жертвоприношение Духам и Божествам.

Чэнь Хуцзинь наконец смог оторвать взгляд от Лань Циня, и, увидев в окне помрачневшее лицо отца, испуганно выдохнул:

— Отец!

Пока Чэнь Хуинь колебалась, более импульсивный Чэнь Хуцзинь уже ответил. Глядя на прекрасное лицо гостя, он старался говорить тише и мягче, словно боялся, что его громкий голос напугает Лань Циня.

Заметив, что все внимание Лань Циня переключилось на брата, Чэнь Хуинь поспешила добавить:

— Я тоже знаю про Жертвоприношение Духам и Божествам! Лань... Лань Цинь, ты можешь спросить и меня... К тому же я знаю о правилах ритуала даже больше, чем Чэнь Хуцзинь!

Едва закончив фразу, она изменилась в лице: через деревянное окно она увидела, что отец стоит снаружи и наблюдает за ними.

— Староста говорил, что может голыми руками убить кабана. Вполне возможно, что кабан — это лишь одна из жертв. Кроме того, никто не исключает человеческие жертвоприношения... Вряд ли они будут использовать своих, так что мы, чужаки, идеально подходим на эту роль, — рассуждал Ян Цзянь, потирая подбородок. Впрочем, эта догадка показалась ему самому нелепой. — Мы здесь по приказу руководства, значит, деревня связана с внешним миром. Если бы здесь действительно приносили в жертву людей, полиция давно бы уже нагрянула.

Лань Цинь молча слушал, не вмешиваясь: он слишком мало знал об этом мире, а лишние слова могли привести к ошибке.

Ян Цзянь еще некоторое время рассуждал вслух, а затем, хлопнув себя по лбу, решил, что пора ужинать.

— Лань Цинь, давай сначала поедим. Человек как железо, а еда как сталь — пропустишь прием пищи и ослабеешь. Да и на голодный желудок думать трудно.

Лань Цинь не возражал, и они взялись за палочки. Ян Цзянь, уплетая еду, про себя отметил, что готовят в деревне Шилин неплохо, да и места здесь живописные — овощи и фрукты должны расти отлично. Почему же тогда деревня такая бедная и глухая?

Ему это казалось подозрительным, но, вспомнив о десяти окутанных туманом великих горах и о том, что в деревне всего триста дворов, он решил, что причина вполне объяснима.

Вскоре после ужина двое незнакомых жителей принесли им два ведра горячей воды и забрали посуду. В доме была ванная комната, но без водопровода, так что воду и еду приходилось

получать от деревни.

Лань Цинь и Ян Цзянь по очереди носили горячую воду, мылись и переодевались в чистое, а грязную одежду складывали в пластиковый пакет, решив постирать ее, когда вернутся.

После купания они легли на деревянные кровати, готовясь ко сну, хотя условия — лишь циновка, простыня и полное отсутствие подушек — оставляли желать лучшего.

— Кровать слишком жесткая, подушек нет. Я-то человек крупный, могу и потерпеть, но ты, Лань Цинь, такой нежный, как ты справишься? Надо было попросить Чэнь Хуцзиня, тебе бы точно не отказали.

Лань Цинь лишь рассеянно промычал в ответ. Его не особо беспокоили спартанские условия. Конечно, кровать была жесткой, а отсутствие подушки — неудобным, но ему доводилось бывать в местах и похуже.

Оба, измотанные долгим путем, чувствовали сильную усталость. Ян Цзянь, поговорив еще немного, провалился в сон. Услышав его храп, Лань Цинь на мгновение задумался, чем сейчас занята система 1122, и вскоре тоже уснул.

Когда в доме воцарилась тишина, яркий лунный свет стал тускнеть. Вся деревня погрузилась в ночной мрак, даже назойливое стрекотание насекомых и крики птиц стихли без следа.

Когда густой туман окутал деревню Шилин и весь горный массив Циньшилин, никто не увидел, как воды большой реки внезапно взбурлили. Под бурными волнами что-то злое металось и рычало, готовое в любую секунду вырваться на берег и ворваться в деревню...

— Туман... — прошептал Сюй И, открыв полог палатки в десяти километрах от деревни, в глубине гор Циньшилин.

Он вспомнил их прошлую жизнь: именно в такую туманную ночь его друзья погибали один за другим, а он сам и его возлюбленный Цинь Цзывэй с трудом выбрались из этого проклятого места.

Но все пошло не так, как они надеялись: когда они решили, что спасены, оказалось, что ужасное божество последовало за ними, а десять тысяч злых духов, что были заточены в горах, вырвались на свободу, превратив весь мир в обитель призраков.

Хуже того, все выжившие постепенно превращались в живых мертвецов. Для людей это стало настоящим концом света. Сюй И считал, что лучше сразу умереть, чем влачить жалкое существование в облике нежити.

Но кто бы мог подумать, что, путив себе пулю в лоб, он совершит такое невероятное чудо —

перерождение.

Впрочем, в этом перерождении было мало смысла: они уже вошли в Циньшилин, и пути назад не было. Сюй И, сохранивший память о прошлой жизни, прекрасно знал: как только человек ступает на земли Циньшилин, он становится забытым всеми существом, и если им не удастся выбраться, они просто пополнят список пропавших без вести.

<http://bllate.org/book/22225/2319547>